ДО ЧЕГО ДОВОДИТЪ АВОСЬ ДА НЕБОСЬ.

Когда мы стояли съ полкомъ во Владимірской губерніи, да и вся дивизія наша, правда, стояла тутъ же, во Владимірской, такъ было въ 3–й карабинерной ротѣ два солдата, которыхъ ребята звали близнецами. Были они не братья, не земляки, одинъ тамбовскій, другой воронежскій, а оба одного росту, однихъ статей, оба изъ себя молодцы, оба Иваны, и похожи одинъ на другаго какъ нельзя больше. Одного, тамбовскаго, звали Кириловымъ, а другаго, воронежскаго, Гавриловымъ; а свои ребята, бывало, не зовутъ ихъ иначе, какъ близнецъ Кирило, да близнецъ Гаврило.

Близнецы наши были ребята смирные, хорошіе; на службѣ, правда, хоть и не такъ давно, всего годовъ съ пятокъ были, однако никакого худа за ними ни кто не видалъ;

только были они ребята простые, и ума въ нихъ не палата. Жили они промежъ собою дружно, словно братья, и гдѣ одинъ, тамъ, бывало, и другой: а коли одинъ пришелъ, а другаго нѣтъ, такъ уже такъ и знай, что тотъ либо въ караулѣ, либо гдѣ на службѣ. Пришли праздники, Свѣтлое Христово Воскресеніе, и пошли они, близнецы, пройтись по селу и посмотрѣть на качели, гдѣ народу сошлось много и собрались дѣвки со всего села; а село было большое и людное. Долго ли, коротко ли близнецы наши походили тутъ, посмѣялись да повеселились, какъ поднесъ имъ товарищъ свой по рюмкѣ — они было отговаривались, да ради праздника выпили; тамъ и сами его почестили, да ради праздника выпили по другой, а можетъ, и по третьей. Ихъ съ непривычки маленько и разобрало, повеселѣли, глядятъ смѣючись на весь бѣлый свѣтъ, обнимаются да цѣлуются, ради пресвѣтлаго праздника, то промежъ собой, вдвоемъ, то съ другими ребятами, либо съ мужиками, дѣвками да бабами. Веселѣй да веселѣй, однако день ушелъ;

настала и ночь, пошли солдаты по дворамъ, на перекличку — пошли и близнецы наши, да послѣ всего, какъ не спалось еще имъ сошлисъ опять за воротами, сѣли, да стали говорить, по-братски, о всякой всячинѣ.

Слово за словомъ, близнецъ Кирило и признается близнецу Гаврилѣ, что ему больно полюбилась дѣвка одна, вотъ-де такая-то, и что солдатскому сердцу его тоскливо жить безъ нее на свѣтѣ — надо бы то да сё, а пуще всего, что надо бы подарить ее чѣмъ нибудь на праздники, да и отца и мать, чтобы задобрить ихъ, да денегъ нѣту, и негдѣ достать.

«Да вотъ, говоритъ Гаврило, я давно было ужъ хотѣлъ тебѣ сказать — не знаю какъ ты разсудишь, а мнѣ хозяинъ мой сулитъ за даромъ много деньжонокъ — да боюсь я, чтобы не было чего.»

«Какъ такъ, спросилъ Кирило, какъ задаромъ?»

«Да онъ, видишь ли, проситъ достать ему сколько-нибудь, хоть сотенку, красными либо синенькими, а отдать хочетъ тутъ же, не продержавъ ни годинка, за

десять красныхъ пять сотенныхъ ассигнацій, а за пять красныхъ двѣ сотни съ половиною.»

«Эка, парень, чтожъ — ему не ужтожъ онъ ни гдѣ не размѣняетъ, что этакой промѣнъ платитъ?»

«Кто его знаетъ; то–то и я, видишь, побаиваюсь; а вѣдь можно бы разбогатѣть съ–разу — да не отгадаешь напередъ, братъ, чтобъ не было худа.»

«Такъ за сто рублевъ пятьсотъ сулитъ? Эка, подумаешь, кабы достать сотенку.... что за худо! Авось да небось — все пройдетъ! Послушай, братъ, я пойду схожу къ земляку, что у поручика нашего въ денщикахъ — чай на одинъ часъ достанетъ сотенку, вѣдь за–разъ и отдадимъ, какъ думаешь?»

«Да коли бъ досталъ, такъ бы ладно: возьмемъ по полторы сотни себѣ, да сотню ему отдадимъ, за труды; ась? ступай–ка братъ — авось!»

Теперь надо сказать, какія деньги мужикъ сулилъ нашимъ близнецамъ. Въ тѣ поры въ Казани появился монетчикъ

какой–то, что поддѣлывалъ государевы ассигнаціи и спускалъ ихъ больше плотникамъ, которые приходятъ въ Казань что годъ изъ русскихъ губерній, а больше изъ Владимірской, и спускалъ такъ, что, бывало заманитъ, подпоитъ, да и подговоритъ размѣнять заработныя деньжонки свои на поддѣльныя, фальшивыя, и давалъ сотъ по пяти и больше за сотню настоящихъ. Мужики наши навезли денегъ много — да ужъ и сами побаиваются, не знаютъ какъ сбыть ихъ; въ городѣ, и въ лавкахъ, и на рынкѣ, стали подмѣчать уже что ходятъ недобрыя ассигнаціи, а начальство стерегло, чтобы кого поймать. Кто жилъ изъ мужиковъ въ Казани по 300 рублей за лѣто, глядишь, воротится на зиму домой, да принесетъ рублевъ съ тысячу. Люди дивуются, что за притча такая, отколѣ у нихъ деньги берутся? — а они мѣняютъ ихъ на фальшивыя, да и думаютъ, что богаты стали. Одолѣла ихъ, видишь, дурь, глупость мужицкая, да подбила корысть: они, такъ же, какъ и близнецы наши, авось да

небось — да и пустились на такое дѣло, которое погубитъ всякаго, кто съ нимъ свяжется.

Близнецы наши подговорили денщика, достали у него съ сотню, размѣняли на пятьсотъ и подѣлились втроемъ. Деньщикъ деньги положилъ опять на мѣсто, и все бы казалось и шито и крыто — близнецы погуливаютъ, задарили дѣвокъ платочками да лѣнтами — денегъ у нихъ больше нѣтъ, и стали они уже думать какъ бы достать еще, потому-что ужъ извѣстное дѣло, кто за худымъ пойдетъ, кто на худое пустится, тотъ однимъ худымъ дѣломъ не покончитъ, а пойдетъ впередъ, за другимъ и третьимъ — стали они опять думать, какъ бы достать денегъ, первая-де попытка сошла съ рукъ, авось и въ другой разъ будетъ тоже — анъ объ эту пору мужикъ, хозяинъ нашего близнеца Кирилы, попался съ ассигнаціями своими; заковали его, стали допрашивать, онъ и показалъ на всѣхъ, кому спускалъ ихъ, да показалъ и на близнецовъ. Что жъ изо всего этого вышло? и близнецы, оба, и денщикъ поручика, всѣ

пропали за этой бѣдой; судились военнымъ судомъ, подпали подъ штрафъ, наказаніе было не малое, потому– что вина большая — а много ли было имъ радости отъ этого худаго дѣла? размотали деньги въ одну праздничную недѣлю, погуляли, помотали — а плакали вѣкъ.

Слушай, ребята: близнецы мои были, какъ и сказалъ я сначала, не такіе парни, чтобы все худое у нихъ на умѣ было; жили и служили они до поры, до времени хорошо, да попутало ихъ *авось* да *небось*, а ума въ головѣ не стало разсудить, какой этому будетъ конецъ; одинъ повѣрилъ мужику, тотъ повѣрилъ другому, другой третьему, да глупымъ разумомъ и разсудили, что *авось* да *небось* русскаго солдата не выдастъ. Нѣтъ, ребята, грѣхъ безъ кары не живетъ: не накажетъ тебя Государь, такъ грызть будетъ совѣсть, да отвѣтъ дашь на страшномъ судѣ. *Авось* да *небось* не выдастъ русскаго солдата въ чистомъ полѣ, гдѣ штыкъ на штыкъ и грудь на грудь напираетъ — тамъ *небось*, тамъ и *авось*: Господь Богъ по тебѣ, Государь по

тебѣ, и не страшно; а гдѣ пошелъ противъ Бога и Великаго Государя — тамъ не отведешь грозы, бѣды не минуешь! Отецъ и Государь тебѣ первый судья на этомъ свѣтѣ — Господь на томъ; судья милосердый, праведный, но строгій: отъ обоихъ не уйдешь: либо здѣсь, либо тамъ, а на расправу потянутъ. Что же, тебя нешто станетъ на то, чтобы пойти противъ Государя, а тамъ противъ Бога? Ты червь, былинка; выслужись вѣрой и правдой, окупи душу свою, скажись самъ человѣкомъ — будетъ тебѣ почетъ и здѣсь и тамъ; а коли житья тебѣ нѣтъ ни на этомъ свѣтѣ, ни на томъ, такъ куда же ты дѣнешься и съ головой своею, что станешь дѣлать?